

Разбитый в кровь кулак, ставший причиной пробуждения кхара, зажил за остаток ночи. Когда именно это произошло, Лука не понял. Проснувшийся Терант, совсем как отец — суровый на Арене и мягкий дома, погладил мальчика по голове:

— Не могу обещать, что все будет хорошо, но одно знаю точно — после самой темной ночи всегда наступает рассвет. Ложись спать, малой, и не думай о том, что случится завтра. Ложись спать.

Кхар не знал о Колесе, о странниках и о той награде, проверить действие которой воспылал мальчик. Поняв все по-своему, он просто пытался его утешить.

Лука лег и уснул мгновенно. Теперь, проснувшись, он пытался собрать воедино все отрывочные и многочисленные воспоминания вчерашнего дня.

— Как ты, малой? Хотел бы я пожелать тебе доброго утра, но... Здесь, как я понимаю, завтраками не кормят, — сказал Терант. — И верно, зачем кормить тех, кто уже сегодня будет принадлежать новому хозяину?

Лука потер глаза, зевнул, потянулся и пожал плечами. Поесть хотя бы раз в день было за счастье. К тому же, никто его кормить не обязан. Но почему бы не помечтать? Вот сейчас слышатся шаги стражника, который подойдет к двери их камеры и бросит сквозь прутья чёрствую корку хлеба! Это стало бы прекрасным началом нового дня!

— Двурогий! — воскликнул Терант. — Ты только посмотри на это! Почти натянул и не заметил!

Только сейчас мальчик заметил, что одна нога кхара прикована не к цепи, а к очень тонкому, тоньше нити, бесцветному поводку. Его сложно заметить, но если обратил внимание, то уже не отведешь взгляда — уж больно красивы редкие всполохи отраженного света. Словно поймали солнечный луч и засадили внутрь поводка.

— Знаешь, что это? — спросил кхар.

Лука покачал головой.

— Это — струна. Подобные струны — то небольшое, в поставках чего раканты не отказывают вашему императору. Прочнее железной цепи и легче бельевой веревки! Это порождение Двурогого вживается в плоть, срастается с нервной системой прикованного. Рискнувший ее натянуть или оборвать — безумец, чьи нервные жилы будут вырваны из тела, а смерть наступит раньше, чем он успеет вскрикнуть.

Послышались шаги стражника и звон связки ключей. Лука встрепенулся — неужели принесли поесть?

— Лука Децисиму, на выход! Живо!

Мальчик растерянно обернулся к Теранту.

— Будь сильным, — кивнул кхар на прощание. — Помни, что говорил твой отец.

Понукаемый стражником, Лука прошел в обратном направлении тот же путь, что и вчера, когда его привели, однако у лестницы стражник повел его не к выходу из подземелья, а в другой коридор. Все камеры, встречавшиеся им по пути, были забиты народом. Хромые, кривые, уродливые, в язвах и струпьях — заключенные отлично вписывались в историю

Теранта о генетическом отребье Империи. Присмотревшись к лицу стражника, Лука заметил, что и с ним не все в порядке — низко посаженный лоб, бельмо на глазу...

— Че зыришь? — рявкнул страж и вlepил затрещину. — Давай, давай, двигай булками, салага!

Его кривые почерневшие зубы, всегда казавшиеся Луке обычным и нормальным явлением в его мире, вдруг перестали казаться таковыми. Наследие Эска вновь проявило себя с неожиданной стороны.

«Ну и урод!», — подумал мальчик, но попробовал завязать начавшееся общение.

— А что будет с ним? — спросил он.

— С кем?

— С кхаром, с которым я сидел.

— С черным? Или казнят, или выкупят, чтобы дрался на Арене.

— А кто выкупит?

— Хватит болтать, мелюзга! Вот привязался!

Стражник дал пинка, и Лука ускорил шаг, чтобы не упасть, потирая ушибленное место. Всплыл текст о полученном уроне и регенерации поврежденных мягких тканей, и через биение сердца боль ушла.

Наконец, они достигли другого крыла и по лестнице поднялись на улицу. Просторный закрытый двор тюрьмы был полон зрителей, зевак и родственников тех, над кем будет вершиться суд.

Судья, скрюченный старец, едва сдерживающий желание уснуть прямо за столом, что-то прошамкал. Стоящий рядом глашатай громогласно объявил:

— Именем императора! Жизнь именуемого Рахимом Даришта объявляется собственностью Империи отныне и до конца его дней. Раб Даришта приговаривается к отработке своих многочисленных злодеяний против народа Империи на Олтонских рудниках!

Осужденный, повязанный по рукам и ногам струнами, заревел:

— Судья — продажная тварь! Отсо...

Мгновенно образовавшаяся куча-мала образовалась на том месте, где стоял несогласный с приговором Даришта. Стража увлеченно месила бунтаря, пока тот не перестал вообще издавать какие-либо звуки. Два стражника, подхватив тело за ноги, утащили его со двора.

Судья посмотрел в свои записи и снова что-то то ли прошептал, а то ли просто зевнул, но глашатай встрепенулся и подал знак. Стражник пихнул Луку в спину и вытолкнул в центр двора.

— Обвиняемый в нанесении телесных повреждений Кариму Ковачару несовершеннолетний Лука Децисиму приговаривается к штрафу в пятнадцать золотых! Из них семь золотых — претензия господина Ковачара, семь золотых — штраф в пользу Империи, один золотой — судебные издержки! — раздался звонкий голос глашатая. — Обвиняемый! В состоянии ли ты

или твоя семья уплатить штраф здесь, сейчас и в полном объеме?

— Лука! — послышался голос матери, а следом раздался ясный и чистый голос Кору. — Братишка! Сам стоит! Чудо!

— Мама! Кора! — обрадовался Лука и бросился к родным, но споткнулся о вовремя выставленную ногу стражника. В толпе засмеялись.

Судья недовольно посмотрел в ту сторону, где стояла семья Луки, и покрутил пальцем. Мать с Корой вытащили и поставили пред мутны очи вершителя судеб.

Кора счастливо смотрела на брата и улыбалась, видя брата здоровым, а не беспомощным, как всю жизнь.

— Имя!

— Приска Децисиму, господин судья! — едва сдерживая слезы, ответила мать. — Лука не виноват! Мой мальчик до вчерашнего дня и пальцем пошевелить...

Судья чуть приподнял указательный палец, и глашатай визгливо заорал, обрывая речь Приски:

— Отвечать по существу! Женщина, ты в состоянии уплатить штраф за ублюдка?

— У меня не таких денег, — прошептала Приска.

— Я найду! Достану! Дайте день! — Кора кинулась к судье, и тот отшатнулся.

Девочку схватили стражники, но она продолжала вырываться.

— Убрать! — скомандовал глашатай, и мать с сестренкой увели, не слушая их криков и слез. — Кто из присутствующих желает приобрести четырнадцатилетнего Луку Децисиму в полную собственность сроком на пять лет?

Толпа загудела, обсуждая характеристики мальчика. Глашатай обеспокоенно оглядел толпу, наклонился к судье, выслушал и изменил условия:

— Пятнадцать лет! Кто из присутствующих желает приобрести четырнадцатилетнего Луку Децисиму в полную собственность сроком на пятнадцать лет?

Люди затихли, оглядываясь друг на друга. Раздался чей-то кашель, и поднялась рука.

— Пожалуй, я заберу его. На двадцать пять лет, если позволит господин судья...

Судья благосклонно кивнул, а Лука увидел своего будущего хозяина — сухощавого смуглого мужчину с орлиным носом. На первый взгляд Лука дал бы ему лет сорок, но потом всмотрелся в покрытое морщинами лицо, старческие пятна на руках и добавил еще двадцать.

Покупатель отсчитал монеты и, не вставая с кресла, протянул глашатаю. Тот мигом оказался рядом, принял деньги и торжественно прокричал:

— Именем императора! Жизнь именуемого Лукой Децисиму объявляется собственностью господина Ядугары сроком двадцать пять лет.

— Хе-хе... — подал голос судья. — Отличное приобретение, господин Ядугара! Свежая кровь!

Ха-ха-ха! Свежая кровь!

<http://tl.rulate.ru/book/15101/301818>